

полнено измерение магнитной восприимчивости лав и пирокластических образований прорыва Олимпийского (11).

В 2006 г. владивостокские почвоведы провели в районе прорыва Олимпийского исследования, посвященные влиянию этого латерального извержения на экосистемы о. Атласова (9, 10).

Полевые работы в августе 2014 г. были выполнены с целью изучения особенностей строения побочного прорыва Олимпийского (14). Эти исследования стали логическим продолжением работ, проведенных на влк. Алаид в 2007, 2008 и 2013 гг. (12, 13, 15–17).

Во время полевых исследований на этом участке о. Атласова впервые была выполнена наземная магнитная съемка Третьей воронки и одиночного конуса, расположенного рядом с конусом Олимпийским и ранее не упоминавшегося ни в одной работе. В результате проведенных исследований установлено, что аномальное магнитное поле ΔT_a , приуроченное к конусу, изменяется в пределах постройки от -3991 до +330 нТл. На дне Третьей воронки аномальное магнитное поле ΔT_a изменяется от -1854 до +1667 нТл. Измерение магнитной восприимчивости горных пород в естественном залегании показало, что для пород, слагающих лавовые потоки на этом участке вулкана Алаид, она изменяется в диапазоне $(3,52-31,0) \times 10^{-3}$ СИ, что хорошо согласуется с данными работы (11), а на дне Третьей воронки – в диапазоне $(3,2-24,4) \times 10^{-3}$ СИ.

При проведении геологического опробования отмечены видимые проявления меди на одиночной глыбе в руч. Алаид и многочисленные проявления на свалах лавовых потоков в районе м. Кудрявцева. Как и в районе побочного влк. Такетоми, проявления меди наблюдаются как по трещинам, так и в виде сплошных покровов (14–17).

Опробование все ручьев на участке от м. Кудрявцева до м. Бородавка показало, что все источники имеют рН = 6, а температура их изменяется от 5 до 11 °С.

Проведенные исследования позволили получить новые оригинальные данные о геолого-геофизических характеристиках латерального извержения 1972 г. – прорыве Олимпийском и расширить наши представления о строении вулканического массива Алаид.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 15-05-02955-а)

1. Абдурахманов А. И., Пискунов Б. Н., Смирнов И. Г., Федорченко В. И. Вулкан Алаид (Курильские острова) // Восточно-Азиатские островные системы (Тектоника и вулканизм). Южно-Сахалинск, 1978. С. 85–107.

2. Авдейко Г. П., Токарев П. И., Меняйлов И. А. и др. Извержение побочного прорыва Олимпийского на вулкане Алаид в 1972 г. // Вулканизм островных дуг. М.: Наука, 1977. С. 55–64.

3. Авдейко Г. П., Хренов А. П., Флеров Г. Б. и др. Извержение вулкана Алаид в 1972 г. // Бюл. вулканолог. станций. 1974. № 50. С. 64–80.

4. Блох Ю. И., Бондаренко В. И., Рашидов В. А., Трусов А. А. Подводный вулкан Григорьева (Курильская островная дуга) // Вулканология и сейсмология. 2006. № 5. С. 17–26.

5. Блох Ю. И., Бондаренко В. И., Рашидов В. А., Трусов А. А. Вулканический массив Алаид (Курильская островная дуга) // Мат. междунардн. симпоз. «Проблемы эксплозивного вулканизма» 50-летию катастрофического извержения вулкана Безымянный. 25–30 марта 2006 г. Петропавловск-Камчатский / отв. ред. чл.-корр. РАН Е. И. Гордеев. Петропавловск-Камчатский: ИВиС ДВО РАН, 2006. С. 135–143.

6. Будников В. А. Пирокластика современных базальтовых извержений. Владивосток: Дальнаука, 1996. 160 с.

7. Вакин Е. А., Пишпенко Г. Ф., Пономарев В. В. и др. Возникновение новой группы термальных источников на вулкане Алаид (Северные Курилы) // Гидротермальный процесс в областях тектоно-магматической активности / отв. ред. С. И. Набоко, В. М. Сугробов. М.: Наука, 1977. С. 73–84.

8. Горшков Г. С. Вулканизм Курильской островной дуги. М.: Наука, 1967. 288 с.

9. Гришин С. Ю., Баркалов В. Ю., Верхолат В. П. и др. Растительный и почвенный покров острова Атласова (Курильские острова) // Комаровские чтения. 2009а. Вып. LVI. С. 64–118.

10. Гришин С. Ю., Яковлева А. Н., Шляхов С. А. Воздействие извержения вулкана Алаид (Курильские острова) в 1972 г. на экосистемы // Вулканология и сейсмология. 2009б. № 4. С. 30–43.

11. Корнев О. С., Шкуть Г. И. О магнитной восприимчивости горных пород северной части Курильской дуги // Геофизические поля островных дуг Востока Азии. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 45–50.

12. Рашидов В. А. Побочный вулкан Такетоми (о. Атласова, Курильская островная дуга) // Геофизические процессы и биосфера. 2013. № 1. С. 5–13.

13. Рашидов В. А. Уникальный побочный вулкан Такетоми. Россия, Курильская островная дуга, о. Атласова // Сб. научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2012 года. Вып. 16 / под ред. чл.-корр. РАН В. А. Шахнова. М.: Молнет, 2013. С. 264–273.

14. Рашидов В. А., Аникин Л. П. Полевые работы на прорыве Олимпийский (о. Атласова, Курильские острова) в августе 2014 года // Вестник КРАУНЦ. Науки о Земле. 2014. № 2. Вып. № 24. С. 198–203.

15. Рашидов В. А., Аникин Л. П., Делемень И. Ф. Полевые работы на побочном вулкане Такетоми (о. Атласова, Курильские острова) в августе 2013 года // Вестник КРАУНЦ. Науки о Земле. 2013. № 2. Вып. № 22. С. 216–224.

16. Рашидов В. А., Делемень И. Ф., Аникин Л. П. Побочный вулкан Такетоми (о. Атласова, Курильские острова) в августе 2013 г. // Мат. регионал. научн. конф. «Вулканизм и связанные с ним процессы», посвящ. Дню вулканолога, 27–28 марта 2014 г. / гл. ред. акад. РАН Е. И. Гордеев. Петропавловск-Камчатский: ИВиС ДВО РАН, 2014а. С. 114–119.

17. Рашидов В. А., Аникин Л. П., Делемень И. Ф. Влияние извержения побочного вулкана Такетоми (1933–1934) на ландшафт острова Атласова (Северные Курилы) // На перекрестке континентов: мат. XXXI Крашенинниковских чт. Петропавловск-Камчатский: Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, 2014. С. 307–310.

18. Рашидов В. А., Малик Н. А., Фирстов П. П. и др. Активизация вулкана Алаид (Курильские острова) в 2012 году // Вестник КРАУНЦ. Науки о Земле. 2012. № 2. Вып. № 20. С. 8–15.

19. Смирнов В. С., Хренов А. П. Особенности геоэлектрического разреза вулканогенных отложений в районе прорыва Олимпийский (вулкан Алаид) // Бюл. вулканолог. ст. 1977. № 53. С. 61–64.

20. Федорченко В. И., Абдурахманов А. И., Родионова Р. И. Вулканизм Курильской островной дуги: геология и петрогенезис. М.: Наука, 1989. 237 с.

21. Флеров Г. Б., Хренов А. П., Петрова В. В. Пемзовые и пемзовидные включения в базальтах четвертичных вулканов Камчатки и Курил (первичная природа, состав и процессы пироматаморфизма) // Включения в вулканических породах Курило-Камчатской островной дуги / отв. ред. Б. Г. Лутц, К. Н. Рудич, В. А. Ермаков. М.: Наука, 1978. С. 200–218.

22. Хренов А. П. Динамика извержений и процессы кристаллизации магм. М.: Наука, 1982. 130 с.

23. Хренов А. П., Богатиков О. А., Лексин А. Б., Маханова Т. М. Огнедышащий край России. М.: ООО «САСМ ПОЛИГРАФИСТ», 2013. 211 с.

24. ШUTOVA Г. С. Оценка геохимических параметров распределения V и Cu в пеплах вулкана Алаид в 1972 г. // Вулканология и сейсмология. 1986. № 3. С. 12–29.

Ю. А. Слепцов СТАРИННЫЕ ТАНЦЫ ЭВЕНОВ (ЛАМУТОВ)

Круговой танец эвенов – уникальное явление духовной культуры, которое на протяжении длительного исторического периода остается одним из ведущих, устойчивых и гибких видов художественной деятельности народа. Он в постсоветском пространстве становится одним из основных составляющих этнической культуры в рамках национальных праздников – Дня оленевода, Эвинека и т. д.

Круговой танец сопровождается сольно-хоровым музыкальным поэтическим текстом, который постоянно видоизменяется вместе с самим танцем, адаптируясь к меняющимся условиям жизни народа (5, с. 10). В дореволюционный период жизни круговой танец был одним из основных компонентов национальных праздников эвенов, отразившим его главную мысль не только в поэтическом тексте, но и в музыке и пластически-танцевальной форме. Круговой танец выступал ритмическим сопровождением сольно-хорового коллективного пения стихотворного поэтического текста. Поэтические тексты в круговом танце несли основную смысловую нагрузку.

Многие танцы безвозвратно утеряны в силу различных причин, другие видоизменились под влиянием иных культур.

До середины XX в. момские эвены танцевали круговые танцы по традициям своих предков. Круговой танец «Иээдьэ» эвены, в основном, танцевали на летнем пастбище в чистае (горная тундра – эвен.), где после трудных зимних месяцев собирались вместе с различных мест. Радость встречи родичей и знакомых объединяла и вдохновляла собравшихся эвенов на танец (1, л. 16).

По рассказам пожилых эвенов, в прошлом танцующие в кругу мужчины и женщины держались взаимно стесняющимися несмешивающимися группами. У старых людей этот обычай сохраняется и по настоящее время (4, с. 158).

После трудных долгих однообразных зимних месяцев наконец наступает долгожданная вес-

на – все вокруг оживает. Жить становится радостнее, веселее. Эвены начинают откочевывать на летние пастбища, угоня оленей от комаров и оводов. И каждый год эвены собираются в заранее обусловленном месте, поблизости от летних пастбищ. И вот, в один из таких прекрасных весенних дней старейшина рода обходит яранги и зовет своих сородичей на танец со словами: «Нээдэ, хуруйа, ханди, хунду, хи-гу, биһэн» или «Все выходите на танец!» (7, с. 137).

До советского времени все люди, даже с грудными детьми, выходили и присоединялись к танцующим. По тому, сколько человек выходило на этот танец, старейшина определял живых и мертвых. Арифметика была очень проста – раз не вышел человек, значит, помер (2, с. 33).

По обычаю танец начинают мужчины. Взяв друг друга под руки, медленно переступая с ноги на ногу, слегка пружиня в коленях, они двигаются по ходу солнца. Постепенно к ним присоединяются другие танцоры. Когда танцующих собирается достаточно много, в круг начинают входить женщины. Вначале все двигаются, опустив головы. Затем ритм танца постепенно убыстряется, все резко поднимают голову и делают энергичные движения вперед и назад. Таким способом они подражают бегущему оленю. Танцоры двигаются легко, свободно, не напрягая мышц. Когда запеваля произносит слова «хинмач, хинмач» («быстрее, быстрее»), темп убыстряется. Если взрослых много, дети внутри большого круга образуют свой круг. Сначала двигаются по движению солнца медленно и в таком же темпе повторяют слова запеваля (6, с. 196).

Хороводные песни время от времени прерывались гортанным дребезжанием и другими звуками, имитирующими крики различных животных (3, с. 192).

Запеваля соперничают между собой по голосу, по красочности и содержательности импровизации. Особый колорит в хороводной пляске придавали необычные звуковые сопровождения, немолкаемый звон побрякушек, металлических украшений на одежде танцующих, а также их яркая нарядная одежда.

И. Худяков описывает дореволюционный круговой танец: «Кружатся группы ламутов и ламуток в их коротких платьях близ шумящей речки на ровном безлесном месте между живописными утесами при заходящем или восходящем солнце, которое, освещая ярким светом одну сторону утесов, другую их сторону оттеняет темными красками. Олени виднеются в освещенных ущельях гор; тальниковые курева дымятся перед юртами; дети, старики и старушки сидят, сложивши под себя ноги... Такая картина действительно живописна. Недаром местные русские и якуты в восторге от летних ламутских праздников.

При пляске ламуты берутся под локти в круг и потом идут в одну сторону; сначала поют тихо и низко и идут тише, а потом напев становится громче, выше и скорее и круг обращается скорее. Ламуты-мужчины, желая блеснуть легкостью и грациозностью, закрывают глаза и откидывают голову назад; другие же держат голову книзу, следя за своими ногами. Ламутки в пляске тоже грациозничают и выпрямляются, как можно прямее, тогда как обыкновенно ходят согнувшись. В круг становятся человек 20, 30, 50 и даже 60; парень становится с любимой девушкой, мужчина с женщиной попарно, затем лишние смешиваются. Пляшут обыкновенно вечером или после солнечного заката, когда нежарко. Если даже зимой съедется несколько ламутских семейств, то они пляшут на дворе, на морозе, что, впрочем, бывает редко. Иногда женщины и мужчины пляшут отдельно» (8, с. 100–101).

Одними из исчезающих танцев эвенов можно считать танцы «Кинди» и «Эһымкай».

Танец «Кинди» – старинный женский. В прошлом он исполнялся молодыми женщинами, обладающими хорошим голосом.

Участниц танца было не более 8 человек – составленный круг двигался по солнцу. Круг соединялся руками таким образом, что танцующие правой рукой держали за локоть левой руки идущую с правой стороны. Это соединение рук напоминает крыло птички.

Одновременно с шагом сплетенные руки приподнимались невысоко вверх и вниз, подражая взмахам крыльев. От украшений, имеющихся на одежде, создается шум, напоминающий шорох полета, а голосовые звуки, воспроизводимые исполнителями танца, подражают щебетанию. Таким образом, танец «Кинди» – это подражание птичке Киндил (1, л. 16).

Старинный танец «Эһымкай» может вызывать интерес специалистов.

Раньше женщины в одиночку танцевали и напевали себе: «Эһымкай, эһымкай». Если находился желающий, то и он мог присоединиться к первому исполнителю, они вставали друг к другу лицом. Таким образом, этот танец могли танцевать и вдвоем.

Движение танца состояло из небольших прыжков из стороны в сторону и выбрасывания ног поочередно – то правой, то левой. В первом случае исполнитель проделывал движение руками, заложив их за спину, соединив в кисти, во втором случае – обхватив друг друга руками (Там же).

Как замечают специалисты, этот танец является более древним.

Таким образом, этническая культура требует в первую очередь бережного отношения к своему наследию, ответственности со стороны не только научного сообщества, но и творческой интеллигенции.

1. АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. О. 1. Ед. хр. 369.

2. Дегтярев А. М., Дегтярева Р. Г., Слепцов Ю. А. Эвены Момского района Республики Саха (Якутия). Якутск : ЯФ ГУ «Изд-во СО РАН», 2004. 40 с.

3. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагизированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск : Наука, 2005. 675 с.

4. Николаев С. И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. 204 с.

5. Песни круговых танцев саха / Ин-т гуманист. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН; редкол.: Н. А. Алексеев; Е. Н. Романова; сост., подгот. текстов, коммент., примеч. С. Д. Мухомлевой. Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2011. 160 с.

6. Слепцов Ю. А. Применение традиционного праздника «Эвинек» в деятельности кочевого лагеря // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 9. С. 196–200.

7. Слепцов Ю. А. Применение традиционного праздника «Эвинек» в кочевого лагеря // Этнопедагогическое наследие народов Сибири и Центральной Азии в современном социокультурном пространстве (IV Волковские чтения) : мат. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Улан-Удэ, 23–26 июня 2011 г. / науч. ред. С. В. Калмыков. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. С. 137–138.

8. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л. : Наука, 1969. 440 с.

В. А. Снытко, О. С. Романова **ГЕОГРАФ И ГЕОБОТАНИК ВИКТОР БОРИСОВИЧ СОЧАВА** **КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

В научном наследии выдающегося советского ученого академика В. Б. Сочавы (1905–1978) особое место занимают исследования природы Дальнего Востока (1–3). Они были основаны на экспедиционных работах, проводившихся в 1930–1950-е гг., и касаются многих разделов ботаники, геоботаники, физической географии.

Начало работ В. Б. Сочавы в этом регионе положили исследования тундровой зоны в Анадырском крае и в бассейне р. Пенжины в 1929–1930-х гг. (4, 5). Экспедиции совершались по поручению Академии наук СССР, Акционерного Камчатского общества и Народного комиссариата земледелия в целях изучения растительного покрова как кормовой базы оленеводства.

В 1931–1938 гг. В. Б. Сочава в качестве начальника полевых партий и руководителя сектора геоботаники и кормов Института оленеводства проводил работы по оценке тундровых пастбищ. В 1932 г. он начал заниматься изучением тундры в районе бассейна р. Анабары и потом опубликовал ряд статей, посвященных природным условиям, растительности и оценке пастбищных оленьих угодий изученных территорий, а также вопросам тундроведения (6–15). В. Б. Сочава первым употребил в научной литературе термин «тундроведение» и дал анализ основных понятий в этой области знаний, дал определение тундры и первым отметил, что «тундровые ассоциации являются лишь преобладающими в тундровой зоне, но не исключительно составляющими ее» (8, с. 131), то есть считал необходимым разграничивать собственно тундровую растительность от встречающихся нетундровых формаций.

Работы В. Б. Сочавы внесли вклад в решение многих теоретических и методических проблем тундроведения: в разработку и уточнение его основных понятий (7, 8), изучение четвертичной истории и динамики тундровых ландшафтов, происхождение их флоры (10), выяснение причин безлесия тундр (9); генезиса пятнистых тундр (6), в разработку классификации тундровой растительности и построение фитоценологических рядов, сопряженных с действующими факторами среды обитания (15), а также в решение задач геоботанического и комплексного природного районирования (11).

Работа В. Б. Сочавы о растительности Анабарской тундры (14) оценена Б. Н. Горюновым как «исторический очерк развития проблемы классификации тундровой и горнотундровой растительности со времени Миддендорфа до наших дней» (15, с. 149). В. Б. Сочава полагал, что дробная геоботаническая классификация должна основываться на признаках местообитания и свойствах ра-